

СОЦИАЛЬНОЕ ИЖДИВЕНЧЕСТВО КАК ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИОЗАЩИТНОЙ СФЕРЫ

В работе приведены некоторые результаты эмпирического социологического исследования содержания и распространенности практик социального иждивенчества в современной России. Определены направления деятельности государства и социума по ограничению распространения практик социального иждивенчества и паразитизма.

Ключевые слова: социальное иждивенчество; практики социального иждивенчества; социальный паразитизм; социальная защита.

I.S. Karpikova

SOCIAL DEPENDENCE AS A BEHAVIORAL DETERMINANT OF FUNCTIONING OF SOCIAL PROTECTIVE SPHERE

The paper presents some results of an empirical sociological study of the content and prevalence of social dependency practices in modern Russia. The directions of activity of the state and society to limit the spread of social dependency and parasitism practices are determined.

Keywords: social dependency; social dependency practices; social parasitism; social protection.

Феномен социального иждивенчества, представляя собой глубоко укоренившееся и широко распространенное явление, для современной России становится одним из значимых факторов функционирования системы социальной защиты. С одной стороны, чрезмерное расширение масштабов социального иждивенчества негативно влияет на эффективность социальных расходов и необоснованно усиливает экономическую нагрузку на общество. С другой – социальный паразитизм как наиболее агрессивная форма проявления социального иждивенчества подрывает действие принципа социальной солидарности, «размывает» основу современной социальной политики, нанося общественным устоям значительный урон, обостряя противостояние социальных доноров и реципиентов [1; 5, с. 14].

Необходимость усилий государства и общества по ограничению масштабов социального иждивенчества, создания условий, при которых расширение его практик будет затруднительным, для современной России очевидно. В то же время решить указанную задачу невозможно без четкого понимания сущности и специфики проявлений социального иждивенчества, причин его возникновения, содержания и масштабов распространения в социуме практик социального иждивенчества и паразитизма [2, с. 124].

В 2017–2018 гг. научный коллектив под руководством автора реализовал масштабное теоретико-эмпирическое исследование, посвященное изучению причин и факторов, типологий, степени распространения и содержания практик

социального иждивенчества в современной России. Исследование проводилось на территории Иркутской области. По нашему мнению, подобные эмпирические исследования возможно и целесообразно проводить на уровне регионального социума, поскольку в России формирование комплекса социозащитных мероприятий, создающего основу для укоренения проявлений социального иждивенчества, осуществляется в большинстве своем на региональном уровне, а проблемы отдельных регионов при реализации социозащитных практик во многом типичны [2, с. 125].

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование характеризовалось комплексным подходом, что нашло свое отражение в следующем:

- масштабность анализируемого информационного поля в виде текстовой и цифровой информации (научные работы, нормативно-правовые акты, статистическая информация, материалы социологического исследования);

- применение комплекса разнообразных методов сбора, анализа и интерпретации полученных данных (методы сравнительного, системного и структурного анализа, количественных и качественных социологических исследований, swot-анализа и др.);

- привлечение к исследованию в качестве информантов представителей разных категорий населения, руководителей и специалистов сферы социальной защиты и социального управления, представляющих одновременно объектов и субъектов системы социальной защиты.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что на сегодняшний день практики социального иждивенчества в нашей стране получили широкое распространение среди представителей разных категорий населения, о чем свидетельствуют как оценки экспертов, так и рядовых респондентов исследования, при этом масштабы данного явления за последние годы проявляют тенденцию к росту. Изучение содержания и характеристик социального иждивенчества позволяет сделать вывод о наибольшей распространенности иждивенческих практик среди таких категорий населения, как безработные (незанятые), семьи с детьми, особенно многодетные, а также дети-сироты и оставшиеся без попечения родителей [3, с. 38; 4, с. 169].

Анализ, проведенный в демографическом аспекте, отразил наибольшую склонность к проявлениям иждивенчества молодежи до 30 лет, в этой же возрастной группе наблюдается наиболее лояльные отношения к реализации населением иждивенческих стратегий, тогда как с увеличением возраста респондентов негатив по отношению к социальным иждивенцам и социальным паразитам становится более выраженным, а уровень склонности к иждивенческим практикам снижается. С точки зрения гендерного аспекта мужское население более терпимо к проявлениям социального иждивенчества, нежели женщины [3, с. 40].

При анализе территориального аспекта социального иждивенчества выявлена большая приверженность к его проявлениям горожан, чем проживающих в сельской местности. Одним из практических подтверждений данного постулата является преимущественное распространение практик заключения социальных контрактов среди сельского населения, тогда как горожане оказались слабо восприимчивыми к данному социозащитному нововведению.

Анализ масштабов распространения и содержания практик социального иждивенчества среди различных социально-демографических групп и категорий населения позволяет утверждать, что в современном российском социуме сформировалась определенная модель социального иждивенчества, обладающая характерными особенностями с точки зрения:

- субъекта реализации (молодежь, семьи с детьми, население в экономически активном возрасте и трудоспособном состоянии);
- причин и факторов поддержания практик социального иждивенчества (предрасположенность к иждивенчеству представителей отдельных категорий населения поддерживается отсутствием социоэкономических перспектив и недоработками законодательной базы);
- преобладающих практик (в большинстве своем связаны с получением незаработанных социальных благ путем использования социозащитных механизмов).

Один из важнейших выводов, который был сделан на основе результатов исследования, заключается в отсутствии какой-либо значимой связи сегодняшних практик социального иждивенчества с исторически предшествующим опытом жизнедеятельности населения в условиях патерналистского государства. Более того, представители старших возрастных групп, которые являются носителями опыта, сформированного патернализмом периода их социализации, в наименьшей степени из всех категорий населения склонны к использованию иждивенческих практик, а также проявляют негативное отношение к их существованию в современном социуме [5, с. 180–181].

Полученные авторами результаты позволили выйти на формирование комплекса рекомендаций прикладного характера в рамках определенных направлений деятельности государства и социума по ограничению масштабов распространения практик социального иждивенчества. Многоаспектность рассматриваемого социального феномена нашла свое отражение в содержании необходимых мер, в числе которых:

- упорядочение и усовершенствование системы социальных прав и гарантий, отраженных в системе социального законодательства;
- организационные и содержательные изменения в деятельности сферы социальной защиты населения;
- создание возможностей повышения уровня занятости различных категорий населения;
- формирование путем использования механизмов социокультурной сферы системы ценностей, разделяемой большинством населения и противодействующей распространению в обществе иждивенческих настроений [5, с. 129].

Содержание предложенных мер позволяет сгруппировать их не только по направлениям деятельности, но и с точки зрения перспективы их реализуемости. Меры в области совершенствования нормативно-правовой базы, упорядочения социальных гарантий, предоставляемых социозащитной сферой, отдельные мероприятия в сфере занятости, например, поддержка молодежного предпринимательства, могут быть реализованы в краткосрочной перспективе. С

другой стороны, влияние на первопричину существования иждивенческих стратегий, реализуемых представителями разных категорий населения, требует формирования в обществе посредством социокультурных механизмов соответствующей системы позитивных норм и ценностей, противодействующих распространению иждивенчества, но результаты этой работы можно будет наблюдать лишь в перспективе [5, с. 181–182].

Список использованной литературы

1. Карпикова И.С. Особенности теоретической интерпретации феномена социального иждивенчества в условиях российского социума [Электронный ресурс] / И.С. Карпикова // *Baikal Research Journal*. – 2017. – Т. 8, № 4. – Режим доступа: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=21897>.

2. Карпикова И.С. Социальное иждивенчество и социальный паразитизм в современной России: экспертная оценка причин и факторов существования / И.С. Карпикова, Е.В. Зимица, А.А. Соломеин // *Известия Байкальского государственного университета*. – 2018. – Т. 28, № 1. – С. 123–130.

3. Карпикова И.С. Феномен социального иждивенчества в оценках населения (на примере Иркутской области) / И.С. Карпикова, Е.И. Нефедьева // *Теория и практика общественного развития*. – 2018. – № 11 (129). – С. 36–41.

4. Карпикова И.С. Социальное иждивенчество и паразитизм в продуцировании противоправного поведения / И.С. Карпикова, Е.И. Нефедьева, О.Г. Седых // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 165–177.

5. Практики социального иждивенчества в современной России (опыт и результаты регионального исследования) / под общ. и науч. ред. И.С. Карпиковой. – М. : Библио-Глобус, 2018. – 204 с.

Информация об авторе

Карпикова Ирина Серафимовна – кандидат экономических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск; e-mail: ikarpikova@mail.ru.

Author

Karpikova Irina Serafimovna – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk; e-mail: ikarpikova@mail.ru.